

Во-йта п'ачэ'н'н'а! (43: 11; N.)
І п'ачэ'н'н'а, і йогу'рт. (43: 12; A.)

Інфармантка *N* чытае назву на пакеце з ёгуртам, выкарыстоўваючы экспрэсіўны варыянт з націскам на другім складзе. Такі варыянт выкарыстоўваецца ў рускай літаратурнай мове (зафіксаваны ў некаторых слоўніках), але ён зусім не ўжываецца ў нашым рэгіёне. Інфармантка таксама выкарыстоўвае выбухны гук [г] (выказванне 10). Услед за дачкой маці выкарыстоўвае гэты слова з такім жа націскам, але з фрыкатыўным [г] (выказванне 12).

Слова з выбухным [г], верагодна, было выкарыстана для экспрэсіі, бо гэты форма здалася маладой інфармантцы *N* больш цікавай, больш выразнай у параўнанні з формай з фрыкатыўным [г].

5. Адабральная, з элементам пахвальбы, размова пра маладога чалавека. У дыялогу 66 інфармант *M* расказвае інфарманту *C* пра свайго сына, які зрабіў прыгожыя рэчы з дрэва:

Во [ты] *пасматр'е ў ба.* (66: 10; M.)
Там [сын] *вабшчэ' крас'і'ва падз'е'лад.* (66: 11; M.)
Там [ты] *зашо ў [бы], туал'е'т гл'а'нуў ба.* (66: 12; M.)
Там [сын] *туал'е'т ад'дз'е'лад, ты пасматр'і'.* (66: 13; M.)

У фрагменце, які разглядаецца, выразна прасочваецца заканамернасці ў выкарыстанні інфармантам таго ці іншага варыянта суфікса дзеясловаў *прошлага часу адз. л. м. р.*: варыянт *-ў* ужываецца ў выказваннях, у якіх інфармант звяртаецца да суразмоўцы, варыянт *-л* ужыты там, дзе мужчына расказвае пра свайго сына, які аздобіў туалет у кватэры, і хваліць яго за гэта. Верагодна, мужчына палічыў, што для выражэння хвальбы ў адрас маладога чалавека больш падыходзіць мова з перавагай рыс, характэрных для рускай мовы.

Праведзены ў рамках варыяцыйніскай парадыгмы аналіз гетэрагеннага штодзённа-бытавога маўлення членаў адной сям'і і яе асяроддзя сведчыць пра наяўнасць у нашых запісах кантэкстаў, у якіх выкарыстанне інфармантамі тых ці іншых моўных варыянтаў падпарадкавана дзеянню знешніх аспектаў камунікацыі. Характар узаемаадносін інфармантаў і тып камунікатыўных сітуацый (бытавыя размовы членаў сям'і і іх блізкіх сяброў) абумоўліваюць адсутнасць у нашым матэрыяле сацыяльнага вар'іравання. У той жа час выразна прасочваецца значная разнастайнасць камунікатыўных кантэкстаў паводле іх тэматычнай і стылістычнай прыналежнасці, характару і мэты камунікацыі, вынікам чаго з'яўляецца шырокая прадстаўленасць у матэрыяле стылістычнага вар'іравання. Значная колькасць такіх кантэкстаў, а таксама дзеянне стылістычных фактараў у маўленні інфармантаў розных гендарных, узроставых і прафесійных груп дазваляюць казаць пра сістэмны характар нашага матэрыялу, прынамсі яго некаторай часткі.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫ СПІС

1. Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / red. E. Smułkowa, A. Engelking. Warszawa, 2007.
2. Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede / Hentschel. G. [et al.]. Frankfurt a. M., 2014.
3. Рамза Т. Р. Беларускае гутарковае маўленне ў славянскім кантэксте. Мінск, 2014.
4. Яненка Н. В. Варыянтнасць у штодзённым беларускім гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у г. п. Хоцімску) // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2015. № 1. С. 44–48.
5. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. М., 2004.
6. Формановская Н. И. Научная судьба понятия «обиходно-бытовая речь» // Рус. речь. 2014. № 1. С. 52–55.
7. Eckert P., Rickford J. R. Introduction // Style and Sociolinguistic Variation / ed. by P. Eckert, J. R. Rickford. Cambridge, 2001. P. 1–20.
8. Romaine S. Variation // The Handbook of Second Language Acquisition / ed. by C. J. Doughty, M. H. Long. Oxford, 2003. P. 409–435.
9. Яненка Н. В. Вариативность городской белорусско-русской речи (на материале записей в г. п. Хотимске) [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 381–392. Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/018online/yapenko.pdf> (дата обращения 10.05.2015).

Паступіў у рэдакцыю 13.05.2015.

Наталля Васілеўна Яненка – аспірантка кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта БДУ. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта БДУ С. М. Запрудскі.

УДК 811.161.1'373.23

О. В. ШЕВЕРИНОВА

НОМИНАЦИОННЫЕ РЯДЫ МУЖСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В АНТРОПОНИМИКОНЕ В. П. АСТАФЬЕВА: СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Резюме. Посвящена выявлению социопрагматической наполняемости имени собственного в рамках как одного номинационного ряда, так и всей совокупности существующих рядов номинации в художественных произведениях В. П. Астафьева. Устанавливается, что определенные структурные модели и формы именования, входящие в номинационные ряды, представляют собой прагматически маркированные социокультурные единицы, за которыми закрепляется позиция индикаторов с социально-оценочной

функцией. Развернутость номинационного ряда, полнота представленности индикационных направлений и многократность употребления антропонимных единиц одного ряда формируют иерархическую статусность в системе мужских персонажей исследуемого антропонимикона.

Ключевые слова: художественный дискурс; имя собственное; номинационный ряд; социопрагматический аспект; параллельное именование; национальная идентификация; социальный статус; социальное окружение; субъективно-оценочные отношения; эмоционально-образная характеристика.

Abstract. The article is devoted to the research of proper names in a single nominative row, and the totality of the existing nominative rows in the creative works by V. P. Astafjev with revealing their sociopragmatical contents. It is revealed that certain structural models and forms of naming forming nominative rows are pragmatically marked in socio-cultural units followed by fixed positional indicators with socio-evaluation function. The length of nominative rows, the completeness of representative indicator areas and multiple uses of antroponymical units in a nominative row forms the hierarchical status in the system of male characters of investigated anthroponymy.

Key words: literary discourse; proper name; nominative row; sociopragmatical aspect; parallel naming; national identity; social status; social environment; subjective evaluation relations; emotional characteristics.

Проблеме изучения номинационного ряда в современной лингвистике посвящены научные труды Н. Д. Арутюновой [1], В. Б. Дорогой [2], В. А. Бельской [3], Е. Ю. Геймбуха [4], Л. М. Майдановой [5], Е. А. Соловьёвой [6], Е. А. Фроловой [7] и др. Предметом исследования становятся, как правило, номинационные ряды главных героев художественных произведений, сформированные разнообразными языковыми средствами (имена собственные, апеллятивные единицы, местоимения различных разрядов), с помощью которых может быть обозначено действующее лицо. Особое внимание в работах уделяется рассмотрению протяженности номинационного ряда, его семантической неоднородности либо однородности, соответствию номинативных единиц ряда нормативной и разговорной лексике, наличию оценочных и экспрессивных номинаций, последовательности расположения именованных в ряду и их использованию в авторском повествовании, прямой, несобственно-прямой, косвенной речи и самоименованию героя. При этом акцент в исследованиях смещается в сторону апеллятивных единиц, входящих в номинационный ряд, за исключением статьи Л. М. Майдановой, где автор анализирует имена лиц, «которые сделали себе имя в области искусства, спорта, политики», выделенные из публицистических текстов, с позиции представленности в ряду разнообразных антропонимических моделей именованного и их зависимости от «своеобразного социального ранга героя» [5].

Имя однозначно идентифицирует объект именованного в процессе коммуникации, требует «варьирования по мере его продвижения по жизненному пути» [1, с. 21], а в художественном тексте является ядерным элементом номинативной системы, фиксирует за собой позицию узнаваемого знака и индикатора статуса действующего лица с социально-оценочной функцией, выступая в качестве глубинного смыслового конструкта. В связи с этим можно утверждать, что в номинационном ряду имя является главным структурирующим звеном и, как следствие, способно кодировать информацию не только о самом факте именованного действующего лица, но и репрезентировать данное лицо во всем многообразии его социальных ролей и взаимоотношений с другими действующими лицами.

Таким образом, в силу отсутствия в настоящий момент исследований, непосредственно посвященных изучению имени собственного в социопрагматическом аспекте в рамках как одного номинационного ряда, так и всей совокупности существующих рядов в художественных текстах, нами впервые предпринята попытка рассмотреть номинационные ряды всех мужских персонажей прозаического текста В. П. Астафьева («Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Царь-рыба»), которые включают только универсальную функционально-семантическую категорию «имя собственное», и установить способы и основные направления репрезентации социопрагматической информации с учетом частотности употребления антропонимных единиц, формирующих ряд.

Анализ антропонимных именованных действующих лиц в исследуемом антропонимиконе В. П. Астафьева позволил выделить 96 объектов номинации, которые представлены в ткани художественных произведений номинационными рядами. В антропонимиконе четко выделяются два типа номинационных рядов: 1) с большим количеством (не менее 4) единиц именованного; 2) с малым количеством (2–3) единиц именованного, но с очень высокой частотностью употребления.

В первой группе наивысшие количественные показатели (8–11 единиц) имеют восемь номинационных рядов. Особое внимание среди них обращают на себя два номинационных ряда персонажей. Они наиболее полно отражают жизненный путь, характер героев, социальные влияния, национальные традиции, т. е. в максимальной мере репрезентируют прагматический компонент имени. Рассмотрим один из таких рядов: *Алексей Донатович Щусь / Алексей Донатович / Лексей Донатович / Щусь / Алексей / Платон / Платошка / Платошка Платонов / Сергеевич / Щусев*.

Насыщенность данного номинационного ряда обусловлена входением в его состав параллельного именованного, отражающего полную смену официальной системы имянаречения индивида в целях его социализации в новом окружении. Мотивом такой смены антропонимической идентичности выступают судьбоносные, переломные моменты в жизни героя, сопровождающиеся, как правило, необходимостью сокрытия реального имени. Так, за образом героя романа «Прокляты и убиты» Алексея Донатовича Щуся, который охарактеризован автором как гражданин, простой человек, командир Советской армии, стоит «лупоглазый белообрый парнишка, молча зывая не забывать его» [8, с. 85]. Этого парнишку звали Платоном, а не Алексеем, отчество у него было Сергеевич, а фамилия – Платонов.

Его семья попала под репрессии и оказалась в ссылке, где он лишился родителей и остался со своей теткой. Постоянные переселения, голод и нищета вынудили тетушку переправить парнишку в Тобольск в знакомую семью дореволюционных ссыльных по фамилии Щусевы, которые усыновили его и дали фамилию Щусев. Таким образом, с изменением жизненных обстоятельств произошло смена фамилии, имени и отчества. Наличие в номинационном ряду еще одной фамилии – Щусь – свидетельствует о следующем судьбоносном витке в жизни героя: именно в такой форме писарь внес услышанную фамилию Алексея Донатовича Щусева в списки военного округа. Во внутреннем монологе героя мы находим объяснение произошедшему: *В жизни русского народа, давно сбитого с круга и хода, произошла еще одна ошибочка, да и не ошибочка, всего лишь опечаточка. Эка невидаль! Кругом такое творилось, что и вовсе могли из всяких списков вычеркнуть человека, не заметив того* [8, с. 85]. Однако такая незначительная опечатка сказалась на судьбе героя и привела к изменению его самоидентификации. Ненавидя новую фамилию, которая в слуховом восприятии ассоциируется у Алексея Донатовича с «ударом хлыста или порывом ветра, поднявшего ворох остекленелого от мороза северного снега» [8, с. 85], он идет на фронт, где сталкивается со страшной и кровопролитной войной, со смертью, которая уносит десятки тысяч людей, с вышестоящим командованием, для которого власть и политика значат гораздо больше, чем жизнь обыкновенных солдат. Но он, как и все солдаты, ничего не может изменить, должен смириться с ударами судьбы и, чтобы выжить, забыть про все человеческое.

Наполнение других номинационных рядов, отмеченных высоким количеством антропонимических единиц, осуществляется за счет изменения структурных вариантов именования действующего лица, наличия в ряде деминутивных, гипокористических, а также диалектных форм имен и прозвищ. Перечисленные категории выступают своеобразными индикаторами жизни и характера героя и, на наш взгляд, могут быть классифицированы по следующим направлениям: 1) национальная идентификация объекта номинации; 2) социальный статус; 3) субъективно-оценочное отношение к номинанту; 4) эмоционально-образная характеристика в восприятии окружающих; 5) национальная либо региональная неоднородность близкого социального окружения именуемого.

Так, номинационный ряд центрального мужского персонажа повести «Последний поклон» представлен единицами: *Виктор Петрович Астафьев / Виктор Петрович / Вихторь / Витя / Витенька / Витька / Витька-Витенок / Витька-тутька-королек*. Национальная идентификация объекта устанавливается на основе соотнесения антропонимической формулы именования с соответствующей национальной антропонимической системой. Данный индикаторный статус характеризуется постоянной реализацией во всех рядах. Наличие разнотипированных антропонимических моделей вносит в семантику именования героя дифференциальную коннотацию. Во-первых, разграничивается официальная обстановка общения (модели «имя + отчество + фамилия», «имя + отчество») от неофициальной сферы (модели «личное имя (в гипокористической, деминутивной формах)», «личное имя (в диалектном варианте)», «прозвище»). Во-вторых, обозначается статус объекта номинации в социальной группе на основании непосредственной связи прав и обязанностей человека в обществе с системой именования отдельной личности. Такие варианты, как *Виктор Петрович Астафьев / Виктор Петрович*, выстраивают систему номинации в сфере официального общения с апеллированием к достигнутому статусу действующего лица – писатель – и репрезентацией положительных или отрицательных межличностных ролей в социальной группе – человек уважаемый / человек пренебрегаемый.

В процессе коммуникации может наблюдаться реорганизация статусов ее участников с изменением их социальных ролей, так как в реальной жизни статус человека проявляется через те роли, которые он играет. Индикаторами такой реорганизации в пределах текстовой модели ономастического пространства выступают антропонимные единицы, ориентируя смысловой вектор на особенности личностных связей героев. Официально скорректированную номинацию *Виктор Петрович Астафьев* в своем обращении к сыну после долгого отсутствия использует отец Петр Павлович, который был мало склонен к труду, любил погулять, а после смерти супруги женился на другой, забыл о существовании сына и на долгие годы исчез из его жизни: *А здесь ли проживает мой любимый сын Виктор Петрович Астафьев?* [9, с. 45]. Несмотря на родственные узы, эти действующие лица в силу жизненных обстоятельств стали чужими друг другу и утратили свои семейные статусы. Выбранная форма обращения предназначена ретранслировать смену статусных позиций героев и указать на отстраненность, дистанцирование в их межличностных отношениях. Определение *мой любимый сын*, дополняющее трехчленную модель именования, фиксирует несоответствие реального и иллюзорного в восприятии действующих лиц друг друга.

Варианты именования *Вихторь / Витя / Витенька / Витька / Витька-Витенок / Витька-тутька-королек*, соответственно, определяют обстановку неформального общения, характеризуя семейно-бытовые статусы, например внук, брат, одноклассник, и межличностные отношения – товарищ, друг и т. д. В позиции центрального индикатора субъективно-оценочных отношений в номинационном ряду в антропонимике произведений В. П. Астафьева находится ономастическая категория «личное имя». Гипокористические и деминутивные формы реализуют разнообразные коннотативные значения, свидетельствующие о положении действующего лица, на основе разнообразных признаков (внешний

облик, возраст, особенности поведения, черты характера, статусная позиция или ее престиж в конкретном микро- или макросоциуме) в сфере межличностного взаимодействия. Например, воссоздавая образ своей любимой бабушки Екатерины Петровны, главный герой повести «Последний поклон» вспоминает: *Обыкновенный разговор, привычные слова, и все Витенька я для нее* [10, с. 426].

Наличие в номинационном ряду разнооформленных прозвищ прокладывает смысловой вектор в область образного представления объекта номинации в восприятии окружающих, что и обуславливает их важную эмоционально-экспрессивную функцию. Так, используемые в речи сверстников прозвища *Витька-Витенок / Витька-титька-королек*, возникшие как результат языковой игры, вскрывают иерархические отношения коммуникантов, определяя их личностные взаимоотношения: *Витька-титька-королек, съел у бабушки пирог! Бабушка ругается, Витька отпирается!* [11, с. 140].

Зафиксированные в номинационных рядах диалектные формы именования действующих лиц напрямую проецируют модель реального коллектива людей с индикацией их национальной или региональной принадлежности. По имени *Вихторь* обращается к герою повести только бабушка, которая живет в Сисиме: *Меня, к примеру, она звала так, как никто не звал и не мог звать, – Вихторь*¹ [10, с. 47].

Анализ выделенных нами номинационных рядов персонажей позволяет установить прямо пропорциональную зависимость в области соотношения количества входящих в него антропонимических единиц и реализации выделенных нами индикаторных направлений: уменьшение развернутости номинационного ряда приводит к репрезентации действующего лица только по магистральным для этого образа смысловым векторам.

Однако важную роль в раскрытии образа персонажа играет не только количество антропонимических единиц в номинационном ряду, но и совокупная частотность их употребления. Таким образом, статус главных мужских действующих лиц в текстовом пространстве приобретают герои, номинационные ряды которых характеризуются наивысшим количеством именованных, реализующих широкий спектр социальных статусов и ролей, и многократностью употребления.

Номинационные ряды с наименьшими вариациями и, как следствие, с избирательной репрезентацией социальной роли, но с достаточно высокими фреквентативными показателями употребления всех единиц очерчивают круг героев второго плана, например: *Павел Финифатьев / Павел Терентьевич Финифатьев / Павел Терентьевич / Павел / Пашка Финифатьев / Финифатьевич / Финифатьев* – 7 единиц, 204 случая употребления; *Ашот / Ашотик / Ашот Васконян / Васконян* – 4 единицы, 163 случая употребления. Приведенные номинационные ряды характеризуют близких военных друзей, Павла Терентьевича Финифатьева и Ашота Васконяна (герои романа «Прокляты и убиты»). Исключение составляет номинационный ряд следующего персонажа: *Аким / Акимка / Касьяныч / Хасьяныч / Якимка*. При невысоком количестве антропонимических единиц и суженности круга смысловых векторов многократность употребления этих онимов в текстовом пространстве составляет 455 раз. Такая диспропорция указывает на максимальную усложненность социально-оценочной составляющей семантики прагмакомпонента онимов ряда и, как следствие, перемещает формирующий образ в группу главных действующих лиц.

Особую группу, как уже отмечалось, образуют номинационные ряды с малым количеством элементов, но с высокой частотностью их употребления. Изначально минимальная наполняемость ряда свидетельствует о точечной актуализации социальной составляющей в области прагмакомпонента имени, а в сочетании с низкой частотой употребления наделяет героев эпизодическими ролями в тексте. Однако анализ показывает, что значительное увеличение фреквентативных показателей последнего критерия максимально наполняет прагматическим смыслом антропонимические единицы в обозначенных социально-индикационных направлениях и локализует действующих лиц в зоне героев второго плана авторского повествования. Например, номинационный ряд одного из героев повести «Царь-рыба» включает три вариационных именованных: *Утробин / Командор / Чеченец*, а частота употребления этих единиц составляет 122 раза. Данный персонаж был опытным рыбаком, хорошим хозяином, но отличался крутым нравом и яростным обликом, так как его предки были родом с горного Кавказа. Происхождение, характер, социальный статус и влияние этого героя на размеренную жизнь односельчан ярко отражают его два прозвища – *Чеченец, Командор*. Эти прозвища свидетельствуют о том, что, с одной стороны, жители села его боялись, с другой – что уважали и ценили за опыт и профессионализм в рыболовном деле, обращались к нему за советом. Социальная значимость этого действующего лица и его роль в сюжетобразующем конструкте подтверждаются многократностью употребления названных вариаций в текстовом пространстве.

Таким образом, номинационный ряд действующих лиц, репрезентирующий мужские персонажи в художественных произведениях В. П. Астафьева, является многомерным социопрагматическим конструктом глубинной, смысловой стороны текста. Оппозиция «свое/чужое имя», реализуемая через существование параллельных именованных в ряду, связана с социокультурным и психологическим аспектами. Смена имени приводит к изменению самоидентификации его обладателя. Получение нового имени, связанное с вхождением в новый социум из-за определенных обстоятельств, выражается в потере индивидуальности действующего лица. Определенные структурные модели и формы именования

¹Имя *Вихторь* рассматривается нами в качестве диалектизма на основе проведенного анализа прямой и несобственно-прямой речи действующего лица, речь которого отличается диалектной насыщенностью.

благодаря актуализации в своей семантике смысловых блоков выступают в номинационном ряду прагматически маркированными социокультурными единицами, за которыми закрепляется позиция индикаторов с социально-оценочной функцией. Развернутость номинационного ряда, полнота репрезентированности номинационных направлений и многократность употребления антропонимных единиц одного ряда устанавливают иерархическую статусность в системе мужских персонажей исследуемого антропонимикона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
2. Дорогая В. Б. Имя собственное и нарицательное в системе наименований персонажа (роман А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Ленинград, 1985.
3. Бельская В. А. Номинативный ряд названий лиц по местности проживания в словенском языке // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : тез. докл. III Респ. конф. (Гродно, 5–6 окт. 1989 г.) : в 2 ч. Гродно, 1989. Ч. 1. С. 19–21.
4. Геймбух Е. Ю. Языковая маска и языковая личность в «Повестях Белкина» // Рус. яз. в шк. 1999. № 3. С. 46–53.
5. Майданова Л. М. Что в имени тебе моем? Введение личного имени «звезды» в газетный текст (по материалам еженедельников г. Екатеринбург) // Изв. Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. С. 260–265.
6. Соловьёва Е. В. Номинация лица в прозаических произведениях А. С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Казань, 2006.
7. Фролова Е. А. Номинация персонажей в рассказе А. П. Гайдара «Чук и Гек» как средство раскрытия семейной темы // Рус. яз. в шк. 2001. № 5. С. 49–58.
8. Астафьев В. П. Прокляты и убиты : роман. М., 2009.
9. Астафьев В. П. Забубенная головушка // Новый мир. 1992. № 2. С. 44–62.
10. Астафьев В. П. Последний поклон : повесть : в 2 т. М., 1989. Т. 2.
11. Астафьев В. П. Последний поклон : повесть : в 2 т. М., 1989. Т. 1.

Поступила в редакцию 07.03.2015.

Ольга Валерьевна Шевернинова – аспирантка кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Витебского государственного университета им. П. М. Машерова Е. Ю. Муратова.

УДК 81-119

О. В. ЛЕОН

ВСТРЕЧНАЯ МЕТАКРИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕЛЕДИСКУРСЕ (на материале англо-, немецко- и русскоязычных ток-шоу)

Резюме. Рассматриваются высказывания особого типа, возникающие как реакция на метакритику, выраженную с нарушениями коммуникативных норм. Подобные высказывания называются контркорректирующими и относятся к некооперативным метасообщениям. Для обозначения коммуникативного хода, построенного на их употреблении, могут быть использованы синонимичные термины «встречная метакритика» и «контркоррекция». Цель исследования – выявление основных типов англо-, русско- и немецкоязычных контркорректирующих высказываний в соответствии с их структурными и прагматическими параметрами. Использовались методы: сплошной выборки, статистический, прагматического и контекстуального анализа. Показано, что в зависимости от объекта встречной метакритики контркорректирующие высказывания подразделяются на три группы: метакритика корректирующего высказывания, метакритика интерпретации корректируемого высказывания и встречная метакритика коммуникативного поведения партнера по диалогу. Установлен полный либо частичный лексико-синтаксический параллелизм контркорректирующих высказываний относительно соответствующих им корректирующих высказываний.

Ключевые слова: корректирующее высказывание; контркорректирующее высказывание; коррекция; контркоррекция; метакритика; встречная метакритика; метакоммуникативный комментарий; метаязыковой комментарий.

Abstract. The particular type of utterances which occur as a reaction to metacriticism expressed with violations of communicative norms, can be denoted by the term of «counter-correcting utterance» and belonging to the class of non-cooperative metamesages have been considered. To denote the communicative move based on the use of the given utterances, the synonymous terms «counter-metacriticism» and «counter-correction» can be applied. The aim of the given research is to reveal the basic types of counter-correcting utterances according to their structural and pragmatic parameters. To achieve the aim of research, the following research methods have been applied: continuous sampling method, statistical method, the methods of pragmatical and contextual analysis. According to the object of counter-metacriticism counter-correcting utterances can be subdivided into three groups: the metacriticism of the correcting utterance itself, the metacriticism of interpretation of the utterance subjected to correction, and the counter-metacriticism of the interlocutor's verbal behavior. The complete or partial syntactical and lexical parallelism between the respective correcting and counter-correcting utterances, which is observable in most cases, has been established.

Key words: correcting utterance; counter-correcting utterance; correction; counter-correction; metacriticism; counter-metacriticism; metacommunicative commentary; metalinguistic commentary.

Среди высказываний, которые служат коррекции вербального поведения партнера по диалогу, встречается их особый тип, возникающий как реакция на необоснованную либо нарушающую коммуникативные нормы метакритику. Данные высказывания, являющиеся, по сути, метасообщениями, отличаются от собственно корректирующих референциальной отнесенностью к другим метасообщениям. Реализацию подобного рода высказываний в метакоммуникации упоминает М. А. Сивенкова при